

ТАЙНА ОТРЯДА

Героические были

МАТЬ И СЫН

Анна Никитина приехала в Глазуновку и прямо с вокзала пошла к партизанской могиле. Остановилась у памятника. Воин с каской в руке в скорбном молчаливом замер, будто прислушиваясь к грохоту далекого боя. Анна Никитина подошла ближе и прочла: «Здесь похоронены партизаны Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. А. И. Кузнецов, А. Е. Жильцов, А. И. Горлин... Прочтите видели: женщина стояла у памятника и плакала. Больно, скалось ее сердце, нахлынули воспоминания. И не могла от этих воспоминаний освободиться Анна Лукинична, когда поезд ее увозил обратно в Москву. Узкой от тех мест, где она пережила горькие и суровые дни...

Война застала ее в Глазуновке. Мужа на фронт проводила, а сама осталась с детьми. — Не горюй, мама, — сказал старший сын Леонид. — Все переживем и победим. Ленья пошел в «Заготзерно», стал работать таксировщиком — отца заменил. Был он комсомольцем, веселым и смелым парнем.

Когда пришли немцы (Никитины не успели эвакуироваться) и стали хозяйничать в Глазуновке, Леонид тяжело переживал случившееся. Его мать была бойцом истребительного батальона. Вместе с сыном тщательно спрятала оружие. Верила, что оно пригодится. Леонид в школьную тетрадь записывал имена предателей, которые пошли служить врагам.

Однажды нагрянули солдаты в дом Никитиных. Перебрали все вещи. Заинтересовались книгами. Забрали тетради с собой. Анна пыталась их выпросить, но немцы не отдали. А когда пошла к соседям, раскрыли одну тетрадь, увидели список. Нашелся подлец, услужливо посянил.

— Здесь написано: «немцам капут». Это почерк Леонида Никитина.

На второй день тетрадь изучалась в комендатуре, а у

Никитиных велся тщательный обыск. Ничего подозрительного не нашли. Забрали одежду, хлеб.

Но у немцев росло подозрение. В конце ноября 1941 года перед домом Никитиных появился часовой. На семью был наложен домашний арест. Стал приходить следователь. Приставал с вопросами:

— Где находится истребительный батальон? Куда делся прокурор Голубев?

Голубев был мужем сестры Анны Никитиной. Следователь грозил:

— Если будешь молчать, то повесим тебя вместе со старшим сыном.

— Не знаю, ничего не знаю, — отвечала Анна.

— Подумай, — говорил, уходя, следователь. — Только смотри: пока соберешься с мыслями, помрешь голодной смертью.

Видел, что семья осталась без еды, что уже выгнулись от голода лица Никитиной и ее детей.

Под окнами, затянутыми морозом, на снегу скрипели шаги часового. От голода, от одиночества становилось жутко... Но люди не забывали Анну и ее детей. Тайком пробиралась Шура Котыкова, приносила еду.

Долго, мучительно долго тянулась зима. В марте новый переводчик комендатуры Юлий Борисович (фамилию его Анне Никитиной так и не удалось узнать) убедил свое начальство снять домашний арест с семьи Никитиных.

А в мае Анна Никитина вместе с Леонидом уже переправила оружие в подвал учительницы Нины Ивановны Аракиной. Ее сын Володя дружил с Леонидом. Анна доверилась Нине Ивановне, и не ошиблась. Вскоре нашлись новые друзья. Тайными тропами пришла весть: создан и действует в Богородском сельсовете партизанский отряд, входит в Первую курскую партизанскую бригаду.

— Я пойду к ним, — сказал Леонид.

— Иди.

Мать уже выполняла отдельные задания отряда. Собирала оружие, разведывательные данные, вела пропаганду в семьях фронтовиков. Теперь же она провожала сына к партизанам. Два месяца пробыл Леонид в Богородском сельсовете. Вернулся и подробно рассказал матери, что штаб отряда укрылся надежно, что дано задание — продолжать сбор сведений о расположении войск, что отряду нужны новые люди и оружие.

— Двоих парней я тут подговорила, — ответила мать. — Володю Кривцова и Дмитрия Ковалева. Трое бывших пленных тоже согласны.

— Хорошо, мама, — радостно ответил сын. Новенькие получили направление в Каменку, Гремячево, на Орлову Дачу. Ушел вместе с ними и Володя Аракин.

Вскоре почувствовали оккупанты, что пришел конец спокойной жизни. То исчезнет полиция, то солдата найдут убитым, то поезд полетит под откос. Сбились с ног каратели, разыскивая партизан. Казалось бы, найти проще простого: местность-то не лесная, одни поля да овраги.

— Где скрывается партизанский штаб? — домали голову каратели. — Ведь негде спрятались! Разве только что под землей?

И действительно был...

ШТАБ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Изда стояла на краю оврага. Низкая, неприметная. Пронесли мимо немецкие машины, приходили полиция.

В избу иной раз наведывались солдаты. Хозяйка встречала их вежливо, охотно поддерживала разговоры. Провожала незваных гостей, низко кланяясь.

Гости уходили. Им и в голову не приходило, что подполье неприметной избы — партизанский блиндаж, что именно здесь находится штаб. Сюда по ночам приходят связные. Их донесения принимают командир отряда Алексей Егорович Жильцов, его заместитель Александр Иванович Кузнецов, комиссар Алексей Иванович Горлин, парторг Алексей Титович Титов. Из блиндажа ведут два пути: один в избу, второй в овраг. Такие же блиндажи в Гнилуше, в поселке Глебовском, в других окрестных деревнях. Штаб перемещается. Штаб неуловим.

Отряд растет. Он собирает разведывательные данные и информацию о положении немцев в немецком тылу, держит связь с Поныревским и Троицким партизанскими отрядами, участвует в диверсиях.

— Мало! — говорит своим товарищам Алексей Егорович Жильцов. — Надо сделать так, чтобы не немцы были хозяевами в районе, а мы.

В жарком бою разбит отряд власовцев. Летят под откос эшелоны между Глазуновкой и Куракин, между Глазуновкой и станцией Малоархангельск.

По ночам вздрагивают каратели от малейшего стука, а днем рыскают по деревням, ищут партизан. Но их нет. А вот изба на краю оврага. Может, здесь что-либо можно узнать?

И в этот момент в избу сидели партизаны. Хозяйка, приметив немцев, быстро выбежала, закрыла всеячим замком дверь — и к соседям. Немцы пришли, постояли у закрытой двери и зашагали мимо. Но один солдат вернулся. Во двор решил заглянуть. Перелез через забор, распахнул дверь со двора, шагнул в избу и...

Лишь на другой день хватились солдаты, что их товарища нет и снова явились в деревню. Встретили их, как дорогих гостей. Завали в избу, за стол усадили, стали самогоном поить. Напоили так, что на песни фашистов потянуло. Пропавшего солдата забыли, авось сам найдется. Когда немцы, покаявшись, вышли на улицу, их позвали в другую избу. И там стол был уставлен бутылками...

Борьба продолжалась. Штаб отдавал новые и новые приказания бесстрашным бойцам.

— Хорошее мы дело тогда задумали в Старом Осколе, — говорил Алексей Егорович Жильцов своим друзьям. Вспоминали осень 1941 года. Тогда они, мирные люди, коммунисты, заброшенные волной отступления из Глазуновки в Старый Оскол, задумали создать партизанский отряд. Вечерами в общекитни вели долгие разговоры. Тщательно обдумывали методы борьбы. И, наконец, отряд был утверждён Курским обкомом партии. Получили новые документы, одежду, оружие. В ходе подготовки отряд был разделен на две группы. Дважды пыталась группа Жильцова перейти фронт и лишь третья попытка оказалась успешной. Недало пришлось пережить А. Е. Жильцову, когда трое из его группы струсили: разошлись по своим деревням, зарегистрировались у немцев и отказались от борьбы. Но командир верил: придут настоящие бойцы.

И они пришли. Так же, как мать и сын Никитины, как Василий Пряткин и Илья Стольников. Ненависть к врагам, желание стоять в борьбе плечом к плечу вместе с отцами-коммунистами привели в отряд Владимира Жильцова и Алика Горлина. Партизанской связной стала Оля Жильцова, дочь командира. Помогали бесстрашным людям и дочери комиссара Нина, Аня.

Тонула в сугробах земля. Колочий ветер разгуливал по снежным просторам. Вьюжными зимними ночами ходили партизаны на выполнение опасных заданий.

Тревожно думала о своем муже, о сыне Клавдия Фокиевна Жильцова. Вместе с младшими детьми Борей и Любой она жила в поселке сельскохозяйственного техникума. За всю войну три раза видела мужа. Последний раз повидалась в январе 1943 года, в поселке Глебовском, в избе у оврага. Алексей Егорович говорил, как всегда, убежденно:

— Не волнуйся! Враг будет разбит, изгнан, и мы построим счастливую жизнь.

Рядом с отцом сидел сын Владимир. Слезы застилали глаза Клавдии Фокиевны.

А. И. Горлин — комиссар отряда.

Уходила по снежной дороге, а сердце кричало, словно предчувствовало беду...

КОММУНИСТЫ НЕ СДАЮТСЯ

Ручьями зазеленела весна. Теплым ветром погнуло с юга, а с востока — добрыми вестями: наши близко.

— Скоро встретим своих! — радостно мечтали вслух партизаны. Но эту радость оборвали каратели. Каким-то образом удалось им, наконец, разгадать тайну отряда. На машинах прикатили они в поселок Глебовский, в Гнилушу, в Каменку. Началась поистине неравной бой.

У той избы, что скрывала блиндаж командира, оставались бронетранспортер.

— Сдавайтесь! — орал фашисты, окружив избу. Но коммунисты не сдаются. Отчаянно отстреливались командир и комиссар. Вспыхнула изба. Решили биться до последнего. Немцы бросали гранаты в блиндаж. Странный взрыв сотряс землю...

А у Гнилуши отстреливался настигнутый карателями заместитель командира А. И. Кузнецов. До последнего патрона в пистолете. Крикнул ему фашисты: «Сдавайся!».

Глянул последний раз на родное весеннее небо Александр Иванович, выхватил нож и...

Коммунисты не сдаются. В том же бою погибли геройской смертью Владимир Кривцов, Дмитрий Ковалев, Алик Горлин. Схваченный

Оля Жильцова (вторая слева в первом ряду) с друзьями-девятнадцатиклассниками.

врагами замучен был Володя Жильцов.

По деревням прокатилась волна арестов. Удалось спастись Анне Никитиной, но ее сын Леонид был схвачен. Вместе с ним попали в Орел, в тюрьму, Оля Жильцова, Аня и Нина Горлины, Володя Аракин, Илья Стольников, Петр Пастухов и другие.

Мы не знаем, что пережили они в тюрьме, как их допрашивали, как пытали. Не знаем, каким образом оказалась в тюремной больнице Оля Жильцова. Перед нами ее письмо, чудом переправленное на волю. Отдельные строки можно прочесть: «Здравствуйте, дорогие мама, Боря и Любочка! С приветом к вам Оля!.. Обо мне не беспокойтесь. Жива буду, поздно или рано вернусь к вам. Ведь вы знаете, что я с ума схожу по вас».

Она не вернулась. Говорят, Оля и ее друзья расстреляли в июле — незадолго до освобождения Орла. Сохранившийся снимок через годы донес ее черты. Такой она была, когда училась в Глазуновской школе, а потом, перед самой войной, водила трактор по колхозным полям. Фашисты думали вычеркнуть ее из памяти людской, навсегда развеять по ветру чистое ее дыхание. Но нет, Оля живет, Оля разговаривает с нами о сокровенном и дорогом.

Перед нами записная книжка, сохранившая тепло ее рук, торопливный почерк. Давайте же прочтем ее, заглянем в душу девушки, ставшей бойцом невидимого фронта в те грозные, овеянные легендами годы.

«ТЫ ВЕРНУТЬСЯ ДОЛЖНА»

На первой странице: «Если человек метается из одной любовной истории в другую, то из него нельзя выковать стойкого бойца революции». Видимо, эти слова были девизом ее первой любви, вспыхнувшей тогда, в сентябре 1940 года.

А вот она рассказывает о дне 21 сентября: «Сегодня районная конференция ВЛКСМ. Я была делегатом на конференции. Немного было радостно, настроение хорошее. Окончилась она в 11 часов. После этого была в кино. А Максимов — соученик, за которого пришлось очень много покрутиться. Узнав о неравнодушном к нему отношении... ой, сильно переживал. Хотелось его подразнить, но было очень его жалко. Глупо сделала, что написала ему. Домой пришла очень поздно. Было радостно за Лягу, но обидно за себя. В целом очень довольна дружбой».

22 сентября: «Встала рано (7 ч.). Убрала в комнате. С 10 часов начало конференции. День прошел хорошо. Были очень веселые моменты. Очень нравится... замечательный товарищ. Очень смеялась на Костика, когда он, одев шляпу, представлял иностранца, выражался на немецком языке, которого не знает. Противно было, смотреть на В. Н., который выдвигает свое «я». А ничего хорошего в нем нет. Конференция кончилась в 7 часов. Очень беспокоилась за уроки».

25 сентября: «Впереди у меня большая жизнь, институт, практическая самостоятельная учеба. Надеюсь, не хуже будет. Сегодня 6 уроков. Хочется сходить в кино. В кино была. Но зря. Коля Е. испортил настроение. Он думает, мне очень хотелось быть секретарем. У меня и без этого времени мало. Неприятности каждый день. Но ничего...».

26 сентября: «Собирала комитет. Он прошел ничего. Но чувствовала себя очень плохо. Ребята относились с насмешкой... Немного погорчилась. Хотела в райком сходить, да... Одно плохо, что я секретарь. Времени на уроки мало. Хотелось кончить 10 класс как следует, да не придется... А какие ребята в классе! Задают больно. Но вечером узнала — ошиблась. Дружественно побеседовала с Г. Ш., А. М. и М. С. — замечательные ребята. Особенно ошиблась в Г. Ш. Какой он простой! Заглянули в будущее — это самая интересная тема. Замечательно было бы встретиться, переписать, хотя весточку раз в год».

27 сентября: «Была в райкоме. По мою просьбу не удовлетворили... Поделюсь с Лягой мнениями. Какой замечательный товарищ Ляда. Без нее очень скучно. Всегда хочется быть вместе. Вообще я еще несерьезно подхожу к главным жизненным вопросам».

29 сентября: «Встала очень рано. Дома до 11 часов была такая суматоха, что не разобралась... Ходила провожать М. Д. Вечером была в кино «Веселые ребята».

И все. Следующая запись уже сделана рукой подружки Ляды 2 января 1941 года: «Оля, неужели это твоё последнее слово после нашей дружбы?». Между этой записью и другой расстояние в три года. В альбом врываются строки тоски и боли:

«Оля! Мне кажется, будто бы песня рыдает. О чем она плачет, скажи? А где же ты, милая, где ты, родная?»

А. Е. Жильцов — командир отряда в молодости.

Хоть с ветром правят перешли.

Мне так много хочется сегодня тебе написать, чтобы в первый день, как только придешь, прочла эти строки и немножечко (только немножечко) вспомнила меня.

Ляда. 1 мая 1944 г.».

И снова запись той же рукой: «Сегодня пересмотрела все фотографии и письма. Немножечко хочется поговорить с тобой. Письмо от Павлушки П. Пинет, что отомстит за все наши мятарства и угрозы, но я ему не верю и никому не верю, что тебя нет. Тебя нет сегодня, но завтра ты обязательно придешь и ты обязательно должна придти».

Уже после войны, 30 октября 1946 года, альбом раскрыл Николай Елисеев. Вот его строки: «Оля! Неужели ты не вернешь счастье для матери, для брата и сестры и еще для многих и особенно для меня? Оля, неужели не вернешься? Ты должна вернуться».

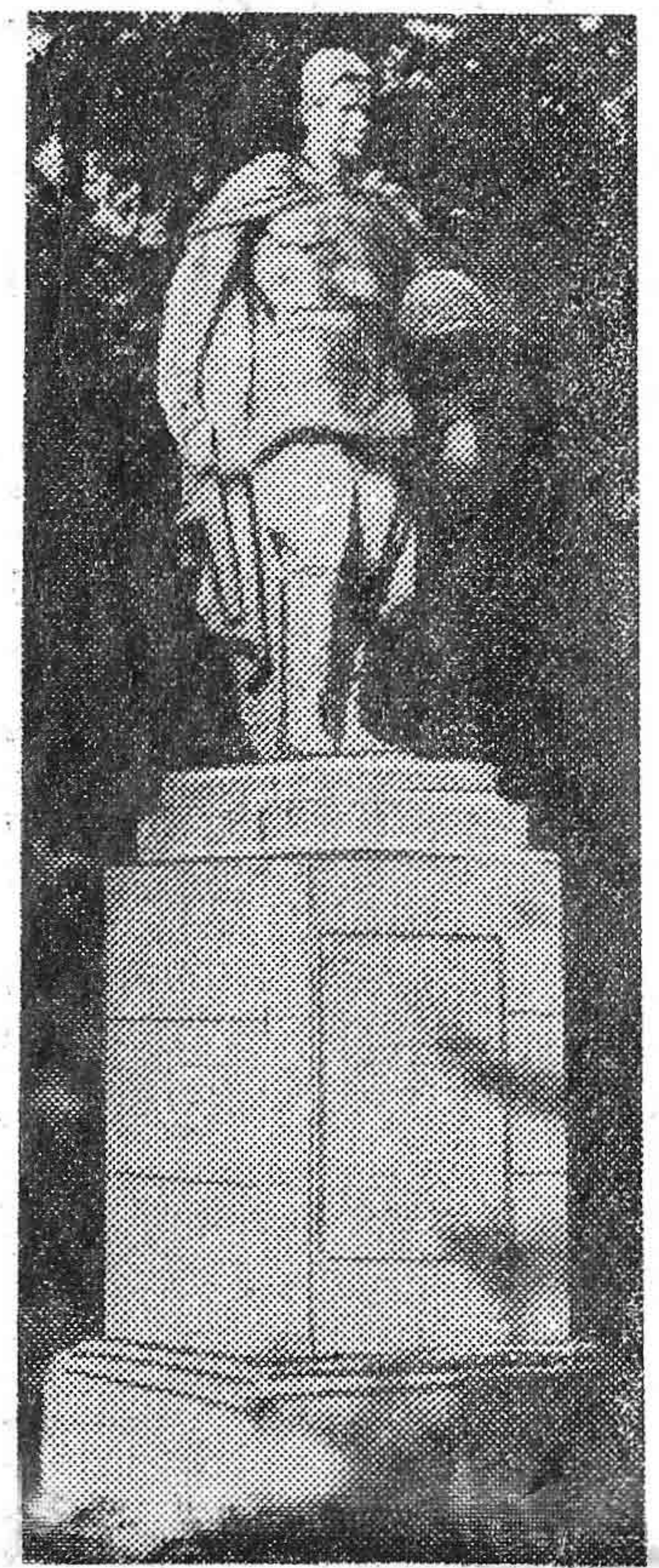
А на второй день, узнав страшную правду, записал: «Дорогие товарищи! Все, что будет читать маленький альбом, кто знал Олю, пусть оставит маленькую роспись в воспоминаниях об этой прекрасной девушке нашего времени. Она погибла за всех».

Дневник Оли Жильцовой закончили ее друзья. В память о ней вписали много хороших стихов, ярких изречений. Но, пожалуй, самые волнующие строки она оставила о себе не в этой маленькой книжечке, а в памяти народной. Она и ее бесстрашные товарищи по борьбе.

Однажды летом побывали в Глазуновке ветераны Великой Отечественной войны. Остановились у памятника П. П. Калинин, А. И. Астапов, Т. Н. Железняков и другие участники жарких сражений. Низко поклонились они павшим бойцам. Встретились с бывшим партизаном Иваном Федоровичем Евсеевым. Он подробно рассказал о боевых делах отряда. Напустил жену А. И. Кузнецова — Александру Кузьминичну: она вместе с сыном Виктором, работником РТС, жила в Глазуновке. Были гостями у Клавдии Фокиевны Жильцовой...

Быстро годы летят. Многие забываются. Но время не властно над подвигами, над высокими порывами души человеческих. Память о Глазуновском отряде священна. И мы верим: имена павших бойцов будут увековечены в названиях улиц, школ, пионерских отрядов, на земле, где они сражались и умирали. Рассказ об отряде нельзя считать оконченным. Многие страницы еще будут написаны участниками и свидетелями его боевых дел. Но уже то, что нам известно, достаточно убедительно свидетельствует о том, что бойцы Глазуновского отряда своим героизмом вписали славы страницы в историю борьбы с ненавистным врагом.

Н. КИРИЛЛОВСКАЯ.
В. КАТАНОВ.

Памятник партизанам в Глазуновке.

РАДИО
НА ВОЛНЕ 4,3 МЕТРА

7.10 — «О чем пишут сегодня газеты «Орловская правда» и «Орловский комсомолец».
17.05 — «Областные известия».
17.20 — «На молодежной радиоволне». Письма радиослушателей.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ
12.00 — Телевизионные новост...

ВНЕШТАТНЫЕ АВТОРЫ РЕКОМЕНДУЮТ

В Хомутово состоялась собрание авторского актива газет «Орловская правда» и «Трудовая слава» совместно с работниками связи. Шла

острых критических материалов, фельетонов. Учителя тт. Муратова, Манов, профсоюзный работник т. Каплов указывали на не...

письмами трудящихся, рекомендовали сделать так, чтобы постоянные пункты собственных корреспондентов «Орловской правды» находились не...